

лись нужныя вещицы и деньги для обмундированія Николая. Наконецъ письмо отъ всей семьи и 6000 денегъ на обмундировку были отправлены Борису Друбецкому, а послѣдній долженъ былъ уже передать то и другое Николаю...

Кутузовская боевая армія, стоявшая лагеремъ около Ольмюца, готовилась къ смотру двухъ императоровъ—русскаго и австрійскаго. Наканунѣ смотра Николай получилъ отъ Бориса записку, что онъ ждетъ его, чтобы передать деньги и вещи. Николай немедленно отправился за полученіемъ денегъ и вещей. Борисъ служилъ уже въ гвардіи, командиромъ которой былъ самъ великій князь Константинъ Павловичъ; поэтому то гвардія считалась на особо привилегированномъ положеніи: солдаты и офицеры поражали своимъ сытымъ и довольнымъ видомъ и выглядѣли, точно не на войну отправлялись, а на блестящій смотръ въ Петербургѣ. Это и поразило Николая, когда онъ подъѣжалъ къ мѣсту стоянки гвардіи, поразилъ его и самъ Борисъ, чистенькій, вымытый, въ новенькомъ щегольскомъ мундирѣ. У Бориса Николаю пришлось встрѣтиться съ княземъ Андреемъ; они встрѣчались впервые, и эта встрѣча была очень холодная: Николаю не понравился Болконскій, онъ произвелъ на него впечатлѣніе сухого и гордого человѣка; Болконскому также не понравился Николай, котораго онъ принялъ за ординарнаго офицера-кавалериста, недалекаго ума и нисколько не оригинальнаго...

На слѣдующій день послѣ свиданья Николая съ Борисомъ былъ смотръ 80-ти тысячной союзной русско-австрійской арміи. Съ ранняго утра уже начались напряженныя хлопоты, и въ 10 часовъ все пришло въ требуемый порядокъ. Армія вытянулась въ три линіи на огромномъ полѣ: спереди кавалерія, сзади артиллерія, еще сзади пѣхота.

Ожидали пріѣзда государей. Наконецъ послышалось: Ыдутъ! Ыдутъ!—и показалась небольшая группа лицъ, впереди—государи и наслѣдникъ-цесаревичъ. Николай, стоя въ первыхъ рядахъ Кутузовской арміи, къ которой къ первой подъѣхалъ государь, испыталъ то же чувство, какое испытывалъ каждый человѣкъ этой арміи, чувство самозабвенія, гордаго сознанія могущества и страстнаго влеченія къ тому, кто былъ причиной этого торжества. Съ чувствомъ умиленія и молитвеннаго благоговѣнія всматривался онъ въ лицо